

О ВОЗМОЖНОМ ЛУБОЧНОМ ПОДТЕКСТЕ
РАССКАЗА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «СКВЕРНЫЙ АНЕКДОТ»

Одержимый тайной мечтой о «повсеместной популярности», его превосходительство Иван Ильич Пралинский обретает надежду на «патриархальное», «высоконравственное» и «изящное» развитие «народного» сюжета со своим участием в момент неожиданного появления «славной русской старухи» «в чепчике, к которому она, видимо, не привыкла» (см.: 5, 13—14, 20—21). При этом, как подчеркнуто в рассказе, в руках у родительницы Пселдонимова, простой русской женщины, «был небольшой круглый поднос» для угощения вином (5, 20). Обе эти детали (чепчик и поднос) заимствованы из лубка.

В 1861 г., после укоренения в литературном обиходе добродюбовских насмешек над «статейками о настоящем времени», публикация труда И. М. Снегирева¹ «Лубочные картинки русского народа в Московском мире» вряд ли могла восприниматься нейтрально. Текст сочинения, посвященного низовым формам искусства, начинался словами: «В то самое время, как проявления русской народности в жизни, художестве и письменности составляют предметы разносторонних наблюдений и ученых исследований, — не будет излишним и несвоевременным обозрение русских, или вернее сказать, московских лубочных картинок, соединяющих в себе письменность с изображениями».²

Контаминацией вариантов «бессмертной фразы»,³ возможно, маркирован Ф. М. Достоевским зачин рассказа: «Этот скверный анекдот случился именно в то самое время, когда...» (5, 5).

¹ В. Н. Топоров установил, что отец Ф. М. Достоевского был «добрым знакомым И. М. Снегирева», «жившего неподалеку от Мариинской больницы, у Троицы, на углу Троицкой ул. и 3-го Троицкого пер.». См.: Топоров В. Н. Еще раз об «умышленности» Достоевского // FINITIS DUODECIM LUSTRIS: Сб. статей к 60-летию проф. Ю. М. Лотмана. Таллин, 1982. С. 128.

² Лубочные картинки русского народа в Московском мире / Соч. Ив. Снегирева. М., 1861. С. 1.

³ Чутко откликнулся на парадигматичность «фразы» Д. Д. Минаев, поместивший в седьмой книжке «Светоча» за 1860 г. стихотворение «Современная песня»:

Я за квартиру плачу очень дорого,
Злость ведь берет, господа:
Как это смеют так драть, словно с врага,
В настоящее время, когда...
Кликнешь ли ваньку с измученной клячею,
Едешь — полсуток езда.
Такса хоть есть, — а берет он с придачею
В настоящее время, когда...
Горе ль в трактире лечить станешь водкою,
Водка — не водка, — вода,
Воду закусишь гнилою селедкою
В настоящее время, когда...

Следует отметить, что самая техника комического в «Скверном анекдоте» во многом прямо соответствует системе приемов, общих, по мнению И. М. Снегирева, для народных «притч, побасок, сатир и вообще балагурных картинок, или карикатур». Русский лубочный комизм контрастен в переходах «от строго-важного и назидательного к забавному, шутливому и балагурному». Ему сродни «перелицовка и каламбур, какие часто проявляются в переименовании иностранных слов на свой лад». Он не знает препятствий в переработке иностранного «потешного» материала для своих «особенных и исключительных» нужд. «Иногда, — отмечает И. М. Снегирев, — сцены из немецкой жизни облакаемы были в русские формы, и наоборот».⁴

Среди более чем тридцати описываемых И. М. Снегиревым «шуточных картинок лубочной печати» есть и снабженная русским текстом очевидная калька с немецкой ксилографии. О ней сказано: «Изображение трех господ в немецких костюмах за столом; перед ними стоит хозяйка с рюмкою на подносе... Здесь видим старинный русский обычай, <...> а обстановку иностранную: в комнате нет образа на стене и один из гостей сидит за обедом в трехугольной шляпе». Приводится и русский текст⁵ лубка: «По старине, когда на стол поставят есть, хозяйка сама должна поднести, для прочищения глотки, гостям по чарке водки, для лучшей кушать им охотки, а как поднос им станет подавать, должна она гостей потом поцеловать. Я моду похвалю такую и лишь одно покритикую; на пищу то охоты придает, хозяйкин поцелуй поароматит губы, а водка зубы. Да если ты дурна, хозяйюшка, мой свет, так водку поднеси, как кончится обед».⁶

Онемеченность «чиновничьего сюжета», главный персонаж которого карикатурно проваливает роль героя «русских былей и анекдотов», является совершенно естественным и даже вполне обязательным признаком «петербургского текста» у Ф. М. Достоевского. Точно так же, как и поэтика предметно-смысловых трансформаций, пространственно-временных сдвигов и инверсий.

Изображенная в экспозиции «Скверного анекдота» пирушка «трех мужей в генеральских чинах» устроена скупым и «всю жизнь любив-

Сунешься ль с делом куда в канцелярию,
Вздумаешь дать — так беда,
Двери захлопнет швейцар с злою харею
В настоящее время, когда...

Акцию ль купишь, чтоб жить с оборотами —
Обществу, смотришь — беда;
Плачут директора, ставши банкротами
В настоящее время, когда...

Правда — не слышишь теперь уже «милаго»,
А «дурака» — никогда,
Гласность смирила грубость строптивного
В настоящее время, когда...

⁴ Лубочные картинки... С. 11, 114—115.

⁵ Публикация Д. А. Ровинского показывает, что в оригинале нет заглавных букв, роль почти всех знаков препинания выполняют точки, форма некоторых слов иная («хозяйюшка», «лутчей»). См.: Русские народные картинки / Собрал и описал Д. Ровинский. Кн. 1. Сказки и забавные листы. СПб., 1881. С. 310.

⁶ Лубочные картинки... С. 116—117.

ПОСТРОИТЕ, КОГДА НАСТОЛЪ ПРСТАВЯТЬ ВСНЬ. ХОЗЯЮЩАЯ
САМА ДОЛЖНА ПОДНЕСТЬ, ДЛЯ ПОЧИЩЕНИЯ ГЛОТКИ, ГОСПЯМЪ
ПОЧЕРКЕ ВОДКИ, ДЛЯ ЛУЧШЕЙ КЕШАТЪ ИМЪ ОХОПКИ, А КАКЪ
ПОДНОСИМЪ СТАНЕТЪ ПОДАВАТЬ, ДОЛЖНА ОНА ПОТОМЪ —
ГОСТЕЙ ПОЦАЛОВАТЬ: ЯИЗЪ ПОЖАЛОУ ТАКЮ, ИЛИШЪ —
ОДНО ПОКРИТИКУЮ, НИПРИМЪ ТО ОХОПЫ ПРИДЕ ГЪБЪ
ХОЗЯИКИНЪ ПОЦАЛУИ ПОЖАЛОУТИТЬ ГЪБЫ, СВОАКИ ЗЪ ЕМЪ
ДОСТАЛИ ТЫ ДУРНО ХОЗЯЮШКА, МОИ СВЕТЬ, ТАКИ
ВОАКЪ ПОДНОСИ, КОКЪ КОНЧИПСА ОБЕЗЪ. —

Шуточная картинка лубочной печати «Пирушка»

шим регулярность» Степаном Никифоровичем явно в немецком дух «комфортно» и «ровно до половины двенадцатого» (5, 5). Черт «дурной собою хозяйюшки» (см. выше) обнаруживаются во внешне облике невесты Пселдонимова, которую тот «брал <...> не : красоту» (5, 20). Лубочная же немка в чепчике, подносящая гостя рюмку именно на небольшом круглом подносе, оказывается (в экцентричном воображении Пралинского) единственным на чиничьем пиру «русским лицом» (5, 21).

Типологически «немецкая» (для русского читателя середины XIX в.) сказка Х. К. Андерсена «Калоши счастья», первая часть которой может рассматриваться как один из источников «Скверного ане

дота»,⁷ также соотносима с лубочным подтекстом рассказа. Инолитературный двойник действительного статского советника Ивана Ильича, советник Кнап, силой волшебства оказавшийся в весьма неподходящем ему «грубом обществе», путает «печатную лубочную картинку» прежних времен с «сегодняшним номером» копенгагенской газеты «День». Лубочным комизмом отмечена и сцена угощения несчастного любителя старины: голову девушки, «с поклоном подносящей советнику вино», украшает «двухцветный чепец», «по уставу короля Ганса» полагавшийся особам «двусмысленного поведения».⁸

Рассказ о квазимосковских приключениях петербургского генерала мог явиться и структурной перелицовкой приключений советника титулярного. Амбивалентная фигура Якова Петровича Голядкина, героя, сочетающего в себе признаки как авантюрно-романтической эстетики, так и «волшебной сказки в ее лубочном варианте»,⁹ сродни двойственному образу Ивана Ильича.

Голядкин, «архаист», порицающий всякую аномативность и рассуждающий «о том, что Россия с часу на час идет к совершенству», в душе — отчаянный «новатор», романтически братающийся (здесь важен мотив опьянения, вина) со своим неблагопристойным двойником и уговаривающий его «заодно хитрить» и «интригу вести» (1, 156, 157—158).

Пралинский,¹⁰ генерал и поэт одновременно, по существу — тот же двойственный тип «петербургского русского», во вкусе Девушкина и Голядкина сниженный до уровня лубка, но, разумеется, не узнающий самого себя в «низкой» литературе «гоголевского направления».

Г. М. ФРИДЛЕНДЕР

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ И Е. В. ТАРЛЕ

Гений Достоевского привлек к себе пристальное внимание не только великих писателей и критиков его и последующих эпох, но и многих выдающихся ученых: И. П. Павлова, В. М. Бехтерева, А. А. Ухтомского, А. Эйнштейна, П. Наторпа, З. Фрейда и многих других. К числу его почитателей относился и наш знаменитый

⁷ Подробнее см.: Дауговиш С. Литературное произведение и его смысловая интерпретация. Рига, 1990. С. 14—15.

⁸ Полное собрание Сказок Андерсена. 2-е изд. Трубниковой и Стасовой. Пб., 1867. С. 11—12 (особой пагинации третьей части тома).

⁹ Ветловская В. Е. Ф. М. Достоевский // Русская литература и фольклор: Вторая половина XIX в. Л., 1982. С. 18.

¹⁰ Традиционное «французское» объяснение фамилии героя современный исследователь дополняет немецкоязычным «prahlen» в переводе на русский означает «хвалиться», «хвастаться», а «Praliner» — «хвастун», «бахвал». См.: Циц М. И. О повествовательных особенностях рассказа Ф. М. Достоевского «Скверный анекдот» // Современные проблемы метода, жанра и поэтики русской литературы. Петрозаводск, 1991. С. 118.

Любопытно, что в датском языке «pralhals» (хвастун, фанфарон, бахвал, болтун) может вступать в контрастные отношения с «кнар» (еле справляющийся, скудный, скупой на слова).